

Глава 30. Огни города Фучэн

Лю Цинсянь успел уловить обрывок фразы Дао Сяово. Не обращая внимания на его двусмысленные вздохи, он подошел ближе и спросил прямо:

— Что с ученицей с пика Гуаньюй?

Единственной представительницей этого пика в Тайном царстве Чжуолун была их первая ученица — Мин Ванъянь. Раньше, на краю обрыва, Лю Цинсянь её не видел и теперь всерьез обеспокоился тем, какие опасности могли постичь девушку.

Дао Сяово, оставив младших в покое, схватил Лю Цинсяня за руку и потащил за собой:

— Пойдем в гостиницу, сам всё увидишь.

Когда они добрались до места, Дао Сяово решительным жестом распахнул дверь в комнату Мин Ванъянь.

Лю Цинсянь попытался было его остановить:

— Это же не по правилам приличия...

Но дверь уже с грохотом открылась. Внутри Лю Цинсянь увидел толпу учеников Ордена Линьцан — все они с глубокой тревогой смотрели на девушку, сидевшую на кровати. Поначалу пиковый лорд хотел возмутиться тем, что толпа мужчин окружила юную особу, но, взглянув на Мин Ванъянь, тут же забыл о всяком этикете.

Взгляд девушки был совершенно пустым, она бессмысленно смотрела в одну точку. Она не произносила ни слова. На её теле виднелись отчетливые раны — следы жестокого нападения в Тайном царстве.

Признанная красавица ордена, всегда такая живая и улыбчивая, теперь выглядела сломленной и жалкой. Зрелище было не из легких.

Даже Фэн Уянь, заглянув через плечо, покачал головой:

— Какая жалость, такая прелестная дева...

— Что с ней произошло? — спросил Лю Цинсянь.

Лицо Дао Сяово помрачнело. Потерять или покалечить сразу двух ведущих учеников в походе

— тяжелый удар для Ордена Линьцан.

— Неизвестно, — глухо ответил он. — Мы нашли её у самого выхода из царства. Должно быть, выбралась сама. Сначала она казалась нормальной, даже встревоженно расспрашивала о Син Яньчжу, но спустя мгновение... впадала в такое состояние.

Лю Цинсянь пребывал в недоумении. В оригинальном сюжете — и даже в первом цикле — Мин Ваньянь всегда следовала за Син Яньчжу под его надежной защитой. Несмотря на вмешательство демонов, Син Яньчжу просто не мог бросить свою главную пассию на произвол судьбы.

Как же вышло, что он её не уберег? Даже Инь Сюань сумел отыскать своего учителя, а ведь между главными героями связь должна быть куда прочнее.

«Судьба просто не позволила бы им не встретиться», — подала голос Система.

В этот момент в комнату вошел Син Яньчжу. Завидев его, застывшая в оцепенении Мин Ваньянь вдруг ожила. Её лицо просветлело, на губах появилась мягкая улыбка.

— Брат Яньчжу...

Сейчас она вновь походила на обычную влюбленную девушку.

Син Яньчжу, не заметив ничего странного, с ответной улыбкой присел на край кровати:

— Сестра Ваньянь, тебе нехорошо?

Девушка кокетливо качнула головой и прильнула к его плечу. Её лицо скрыли пряди волос Син Яньчжу, но окружающие всё ещё видели довольный изгиб её губ.

Лю Цинсянь облегченно выдохнул. Он легонько толкнул Дао Сяово локтем и прошептал:

— Видишь, у голубков всё в порядке. Просто решили устроить нам сцену нежности на ровном месте. Оставим их.

Но Дао Сяово всё ещё терзали сомнения. Он громко позвал:

— Мин Ваньянь! Ты меня узнаешь?

Девушка подняла голову. Стоило ей взглянуть на Дао Сяово, как она вновь погрузилась в себя, а взгляд стал блуждающим и бессвязным.

Дело принимало скверный оборот.

Лю Цинсянь, поразмыслив, вспомнил об одном человеке:

— С нами ведь есть ученица с пика Цунлань, почему бы не позвать её?

При этих словах Дао Сяово помрачнел еще сильнее.

— Звали. Она диагностировала «состояние впадения в иллюзию». И именно из-за этого диагноза её поведение кажется еще более пугающим: то она в сознании, то в беспамятстве.

Тут Лю Цинсянь заметил среди учеников одного человека, чей взгляд постоянно метался. Он не выглядел обеспокоенным судьбой Мин Ванъянь — скорее, его что-то снедало изнутри.

Это был Шэнь Цяо, тот самый юноша, что вечно задирает Инь Сюань.

Лю Цинсянь слегка кивнул в его сторону:

— Ты выглядишь встревоженным. Тебе что-то известно о случившемся?

Шэнь Цяо вздрогнул, плечи его мелко затряслись. Он со страхом посмотрел на трех старейшин.

— Ученику... ничего не известно, — пролепетал он, а затем, словно испугавшись собственной заминки, быстро добавил: — Сейчас все ученики изранены и истощены. Шишу, не стоит ли нам отложить возвращение?

Син Яньчжу тоже поднял глаза, в которых читалась просьба:

— Переход через Тайное царство всех измотал. Думаю, нам нужна передышка на одну ночь. Я присмотрю за Ванъянь, обещаю, что с ней ничего не случится.

Дао Сяово колебался. Ученики действительно пострадали, и ночной полет на мечах мог стать для многих непосильной задачей.

— Может, мне стоит первым вернуться в орден и привести младшего брата Пэй? — предложил он.

Лю Цинсянь покачал головой:

— Ты устал не меньше остальных. И даже если Пэй Нинъюнь прибедет сюда, без своих лекарств и запасов с пика он будет связан по рукам и ногам.

«Никакой усталости за рулем!» — мысленно резюмировал он.

Фэн Уянь, до этого молча наблюдавший за сценой, вовремя вставил слово:

— Сегодня в Фучэне Праздник десяти тысяч огней. Даже ночью на рынках будет людно и ярко. Вместо того чтобы спешить, лучше купить необходимые снадобья на ярмарке, это облегчит обратный путь.

Он бросил сочувственный взгляд на прильнувшую к плечу Син Яньчжу девушку:

— Говорят, в этот праздник молитвы богам сбываются. Если ученики попросят за свою сестру, это пойдет ей только на пользу.

Лю Цинсянь, глядя со стороны, прекрасно видел все эти неприкрытые попытки «подкатить». Фэн Уянь так сладко пел лишь потому, что хотел провести эту ночь в компании своего старшего брата.

Не успел Лю Цинсянь возразить, как Дао Сяово, преодолевая усталость, слабо улыбнулся:

— Спасибо за помощь в Тайном царстве. Без тебя наши потери были бы куда страшнее.

Только сейчас, при свете ламп, Лю Цинсянь заметил, насколько изнурен его собрат. Под глазами Дао Сяово залегли темные тени, а лицо казалось мертвенно-бледным. Как старший в группе, он нес на себе груз ответственности за всех, и эта ноша его вымотала.

Лю Цинсянь больше не хотел спорить.

— Раз так, пусть те, кто в силах ходить, сегодня отдохнут. Брат, тебе тоже нужно поспать.

Услышав это, Фэн Уянь буквально просиял и отвесил Лю Цинсяню благодарный поклон за спиной Дао Сяово. Пиковый лорд лишь закатил глаза.

Син Яньчжу снова подал голос:

— Тогда я останусь с сестрой Ванъянь. Она сейчас доверяет только мне, я не могу оставить её одну.

Лю Цинсянь посмотрел на него с одобрением. «В этом цикле главный герой кажется куда

человечнее и мягче», — подумал он и дал свое согласие.

Когда все начали расходиться, ученики потянулись к залитым светом улицам. Но стоило двери за ними закрыться, как улыбка на лице Мин Ванъянь мгновенно исчезла. Её губы мелко задрожали.

Всё это время её лицо было скрыто от посторонних глаз, и только Син Яньчжу мог видеть выражение её лица.

В её глазах не было ни пустоты, ни безмятежности. В них плескался такой запредельный, животный ужас, какой бывает лишь при виде кровожадного демона. Она прищурилась, а зрачки мелко подрагивали.

Син Яньчжу нежно отвел прядь волос с её лба, открывая этот взор, полный немого крика. Его движения были ласковы, как у истинного возлюбленного, но в голосе сквозила ледяная нежность:

— Похоже, ты всё-таки помнишь, что произошло в Тайном царстве?

Тем временем Лю Цинсянь, расставшись с Дао Сяово, повернулся к своему ученику, который хранил молчание слишком долго.

— Ну и что это было? С чего вдруг мы дуемся уже битый час? — с лукавой усмешкой спросил он, слегка наклоняясь, чтобы заглянуть Инь Сюань в лицо.

Тот, смущенный такой близостью, отвел взгляд и глухо проговорил:

— Значит, учитель всё заметил? Просто у Сюань нет привычки жаловаться и шуметь, вот вам и некогда мною заниматься.

Лю Цинсянь не сдержал смеха. Впервые он слышал от своего прилежного ученика подобные колючие слова. Тот буквально сочился ревностью, как маленький сердитый леопард, объевшийся лимонов.

Но Лю Цинсянь был не прочь его поутешить:

— М-м? Считаешь, учитель виноват? Ну, тогда просвети меня, на что именно ты злишься.

Инь Сюань открыл было рот, но, вспомнив, как Син Яньчжу и Лю Цинсянь мило беседовали в

Бездне, тут же его захлопнул. Если он спросит напрямую, а в ответ услышит, что учитель действительно благоволит Син Яньчжу... что тогда? Сможет ли он это вынести?

Он лишь тяжело посмотрел на Лю Цинсяня и покачал головой.

Это начало раздражать Лю Цинсяня. Недомолвки и обиды — верный путь к пропасти, как это и случилось в первом цикле с ним и Син Яньчжу. Тайны между близкими людьми — самое опасное.

— Учитель не умеет читать мысли, — строго сказал Лю Цинсянь. — Тебе нужно говорить о своих тревогах, иначе я не смогу тебе помочь.

Однако Инь Сюаньши по-прежнему колебался и молчал. Лю Цинсянь не стал настаивать и с тихим вздохом пошел вперед. Инь Сюаньши, разумеется, не отставал, молча следуя за ним в паре шагов.

Они вышли на торговую площадь. Праздник только начинался: повсюду сновали люди, торговцы зазывали покупателей, от лавок с едой валил ароматный пар. Тишина между учителем и учеником на этом фоне казалась еще более гнетущей.

Лю Цинсянь решил разрядить обстановку:

— В походе пострадало много людей, сперва заглянем в аптечную лавку, купим самое необходимое.

Инь Сюаньши помедлил, но ничего не ответил.

— У тебя всё еще остались какие-то сомнения? — спросил Лю Цинсянь, окончательно теряя терпение.

— Когда мы только прибыли в Фучэн, учитель обещал, что мы вместе пойдем пускать небесные фонарики, — тихо произнес Инь Сюаньши. — Сегодня Праздник десяти тысяч огней...

Он не закончил, но Лю Цинсянь всё понял. Тогда их планы сорвали сначала Син Яньчжу, а потом жадная хозяйка гостиницы. Но ведь сейчас дело не ждет! Разве можно развлекаться, когда ученики ранены?

Словно угадав его мысли, Инь Сюаньши указал рукой на группу людей неподалеку:

— Учитель, посмотрите.

Лю Цинсянь обернулся и увидел тех самых учеников Ордена Линьцан, которые еще недавно в Тайном царстве выглядели едва живыми. Сейчас же, несмотря на бинты и ссадины, они с азартом разгуливали по рынку, выбирая подарки и смеясь.

... Что ж, молодость берет свое. Восстанавливаются они поразительно быстро.

— Ладно, — сдался Лю Цинсянь. — Сначала купим лекарства, а на обратном пути запустим фонарики.

Глаза Инь Сюаньи мгновенно вспыхнули, он закивал, как прилежный ребенок. Но тут же добавил с заметным напряжением:

— Только мы вдвоем.

Лю Цинсянь опешил. А как иначе? Не брать же с собой Дао Сяово и Фэн Уяня, чтобы мешать им своим присутствием?

— Хорошо, — с улыбкой согласился он.

— И без Син Яньчжу, — буркнул Инь Сюаньи.

Лю Цинсянь замер, и до него наконец дошло. Оказывается, его ученик дулся всё это время из-за Син Яньчжу? Почувствовал угрозу своему месту подле учителя?

Эта детская ревность показалась Лю Цинсяню настолько забавной, что он едва сдержал хохот.

— Конечно. Его не позовем.

Инь Сюаньи наконец расслабился, мрак на его лице рассеялся, и он поравнялся с Лю Цинсянем. Получив обещание, он заговорил уже веселее:

— В Фучэне чудесные виды. Разделить их с учителем — для Сюаньи большего и не надо.

Лю Цинсянь посмотрел по сторонам. Они как раз переходили горбатый мостик, под которым текла спокойная река. Свет бесчисленных ламп отражался в воде, рассыпаясь золотой чешуей. Горожане вовсю готовились к запуску: мимо них то и дело проезжали тележки, груженные бумажными фонариками. У берега толпились девушки, выписывая пожелания на бумаге, и было неясно, что румянит их щеки — яркие огни или тайные думы.

Лю Цинсянь с улыбкой наблюдал за этой мирной суетой. На сердце стало необычайно легко.

— Посмотри, Сюань. Раньше нам казалось, что жизнь — это череда страданий, и весь мир ополчился против нас. Но стоит стиснуть зубы и выстоять, как наступает день, когда перед тобой открывается такая красота.

В свете огня взгляд Инь Сюань стал мягким, как весенняя вода.

— Красота мимолетна, — негромко отозвался он. — Пока ваш недуг не исцелен, а невзгоды не отступают, сердце ученика не знает покоя.

Лю Цинсянь беззаботно отмахнулся:

— Пустое. У твоего учителя шкура дубленая, я давно не чувствую боли.

Заметив, что Инь Сюань всё еще хмурится, Лю Цинсянь решил подразнить его:

— Знаешь, Сюань, твой учитель — он как тот пресный хлеб в пароварке у лавочника. Сам по себе вкус простоват, но годы разжевали меня, и в этой горечи проступила сладость. Разве не любопытно?

Инь Сюань наконец улыбнулся, хотя в его глазах всё еще читалось недоумение:

— Учитель подобен небожителю, зачем вы вечно сравниваете себя с чем-то столь обыденным?

Лю Цинсянь шутливо возмутился:

— Чем тебе хлеб не угодил? Оказавшись в глуши, ты бы за этот сладкий хлеб полжизни отдал. И что значит «обыденно»? Неужели ты считаешь, что твой учитель сейчас... не сладкий?

Сказав это, он едва не прикусил язык. Заигравшись в словесной перепалке, он ляпнул лишнее. Последняя фраза прозвучала чересчур двусмысленно, почти на грани приличия.

Лю Цинсянь замер в неловкости, но реакция Инь Сюань была еще более бурной. Тот поспешно отвернулся и невнятно пробормотал:

— Учитель, не говорите таких вещей. Другие могут... неправильно понять.

Лю Цинсянь мысленно хмыкнул: «Сам-то в ордене сколько наговорил такого, что всех в краску вгоняло? А теперь меня обвиняешь...»

Но вслух он ответил со всей серьезностью:

— Наша совесть чиста, нам нечего скрывать.

Инь Сюаньши снова обернулся и пристально посмотрел на него:

— Даже если я наложил на ваше запястье тотем демонического контракта, вы всё равно считаете, что я чист помыслами и мне не в чем себя упрекнуть?

Лю Цинсянь поднял руку, рассматривая алую метку:

— Опять кто-то сплетничает за твоей спиной? Ты ведь не использовал этот контракт во зло, наоборот — в Тайном царстве он спас мне жизнь. К тому же, ты ведь ищешь способ его снять. Разве это не доказательство того, что твои намерения благородны?

Инь Сюаньши долго молчал. Его лицо оставалось спокойным, но в глубине глаз бушевал целый океан невысказанных чувств. Они стояли на мосту, и тишина вновь окутала их.

Лю Цинсянь занервничал. Вечер был праздничный, а он, кажется, окончательно завел разговор в тупик. Его ученик превратился в настоящего мастера неловких пауз.

— Время пришло! — закричал мужчина на берегу, подталкивая тележку с фонариками. Толпа вокруг пришла в движение.

Лю Цинсянь, обрадовавшись возможности сменить тему, легонько хлопнул Инь Сюаньши по плечу:

— Гляди, как раз вовремя! Давай сначала запустим фонарик, а потом уже в аптеку?

Он уже собрался спуститься к берегу, но Инь Сюаньши крепко перехватил его за запястье, не давая уйти.

— Учитель! — в его разноцветных глазах вспыхнуло яростное, почти пугающее пламя.

В этот миг с берега донеслись ликующие крики. Тысячи небесных фонариков медленно поднялись в небо, заливая Фучэн мягким, теплым сиянием.

Лю Цинсянь замер. Он не мог шевельнуться, удерживаемый сильной рукой, и лишь растерянно смотрел в лицо Инь Сюаньши, на котором отражались отчаяние и надежда.

Голос ученика дрогнул, слова сорвались с губ быстро, словно он боялся передумать:

— А что, если... если на сердце у меня беспокойно? Что, если я виновен перед вами?

В этот момент туман, окутывавший мысли Лю Цинсяня, словно развеялся под ударом ледяного ветра, обнажая скрытую доселе правду.

Он невольно прижал ладонь к груди, там, где горел его «сердечный светильник». Сердце забило часто и гулко, а внутренний огонь вспыхнул так ярко, будто хотел сорваться с места и устремиться ввысь вместе с тысячами праздничных огней.

<http://bllate.org/book/17557/1714024>